Очерк, который вы прочитаете, был опубликован в январе 1990 года, то есть за полтора года до августовского Апокалипсиса 1991 года в России. Скажу честно — никакого предчувствия этого события у меня тогда не было. Я был заражен энтузиазмом перестройки, в голове гулял «ветер перемен». Литр молока стоил 30 копеек, батон белого хлеба — 16 копеек. Этого мне вполне хватало на завтрак и ужин во время частых командировок в город Куйбышев. Стоимость скромного обеда в столовой не превышала 50-60 копеек. Жил я с семьей в «коммуналке» (комната 12 кв. метров) — жена Люда, сын Саша, в мае 1990 года родился сын Кирилл, получал стипендию аспиранта (90 рублей). Но мы не бедствовали, на душе радостно, и было у меня предвкушение не Апокалипсиса, а долгой, счастливой и интересной жизни. Духовной пищи «выше крыши», а «под крышей», в голове, рождались научные идеи и стихи, например, такие, сатирически-провидческие :

Я получил квартиру в двухтысячном году,
Когда все осудили культ личности Ельцина,
Когда реабилитировали невинно-репрессированных
Горбачева, Лигачева и иже с ними…

Да, уже тогда были талоны, полки магазинов были пусты, но жене, например, на работе 2 раза в месяц давали продуктовые наборы, да и мне в институте иногда кое-что перепадало. В общем, холодильник-то у нас не пустовал. Летом 1988 года мы втроем бесплатно съездили в дом отдыха в поселке Агой на Черном море (путевки выделил профком завода РИАП, где Люда работала инженером). Тогда казалось, что с разрушением советской системы перед нами откроются замечательные перспективы, я наивно думал, что стоит лишь обратить внимание властей на какой-нибудь непорядок, как его сразу устранят «правильные» руководители. Потому-то и пришел осенью 1988 года в отдел молодежной политики областной газеты «Ленинская смена», и с 1988 по 1991 годы по поручениям зав.отделом Юрия Владимировича Ищенко

«вскрывал» острые проблемы «молодежных» (и не только молодежных) коллективов города Горького (с октября 1990 года — Нижнего Новгорода). Несмотря на свой «пионерско-комсомольский» задор, я видел, конечно, что не все вокруг довольны жизнью, обращал внимание на стариков у помоек, на пьянчужек у закусочных. Так и появился в январе 1990 года этот материал. Читателям, может быть, будет интересно окунуться в атмосферу начала 90-х годов и сравнить тогдашние ощущения автора со своим нынешними.

Вам приходилось видеть на вокзалах и на базарах попрошаек, этих «санитаров природы», добывающих на кусок хлеба сбором пустых бутылок и милостыней? «Все они — лодыри и тунеядцы. Уклоняются от общественно-полезного труда. Сами виноваты». Так нас учили. И мы, вняв этим урокам, старались ускорить шаг, заслышав: «Подайте Христа ради…».

Помнится, по дороге из школы домой часто встречался старик с мешком за плечами. В руках — суковатая палка. Вид его был необычен: стоптанные башмаки, грязные, засаленные, все в заплатках брюки, какой-то старый военный китель, вечно небритый. Он шел никого не замечая, что-то бормоча себе под нос. Однажды мы увязались за ним. То, что увидели, потрясло. Старик зашел во двор, подошел к мусорному ящику и… начал в нем копаться. Заплесневелый хлеб, старые вещи — все перекочевало в его мешок.

А на дворе стояла поздняя осень, и улицы красны от флагов и лозунгов, твердивших о неизбежности светлого и безбедного будущего.

На следующий день мы рассказали об увиденном в школе, и взрослые объяснили, что все пожилые люди в нашей стране получают пенсию, а если ее нет, то … Дальше про лодырей и тунеядцев, которые пробездельничали всю жизнь и т.д. Мы им поверили и, помнится, даже преисполнились презрением к этому, как мы поняли, тунеядцу. С этой верой и пошли по жизни, демонстративно не замечая на улицах нищих.

Лишь последние несколько лет, словно очнувшись, снова обратили внимание на калек и убогих стариков и старух, которые влачат жалкое существование. Кто же они на самом деле, те, мимо которых проходим, «не повернув головы кочан и чувств никаких не изведав»? Только ли они виноваты в том, что стали никому не нужными, или общество само не без греха?

Мытный рынок… Пожилой мужчина в кургузом пиджачке, серых брюках с пузырями на коленях и пятнистом засаленном свитере. В кепочке, брошенной рядом на каменный парапет, сиротливо поблескивали три медные монетки. Склонив заросшее щетиной лицо к земле, он молча протягивал левую руку к проносящимся мимо прохожим. Правая рука в черной перчатке была согнута и скрючена. Разговорились. И рассказал Николай Митрофанович Вишникин, проживающий в одном из домов-интернатов Варнавинского района Горьковской области, вот такую историю о себе.

Жил пятьдесят лет назад в Арзамасе простой паренек Коля Вишникин. Когда исполнилось ему 16 лет, поступил он в ФЗУ на станции Горький-Сортировочный. Окончил его, отслужил в армии, женился, родилась дочь. Работал всю жизнь руками — плотником, столяром, штукатуром, жил в Кировской области, потом вернулся на родину. В Горьком опять работал. Стоял в очереди на квартиру 19 лет. Получил. Все бы хорошо, но…

Вдруг парализовало правую руку, начались нелады с женой. Развод. Квартиру оставил жене и дочери. Написал заявление в облсобес с просьбой о предоставлении места в одном из домов-интернатов. Через год просьбу удовлетворили. Все это время он ночевал на вокзалах, в парках, иногда просто на улице. Некуда было ему идти: мать умерла давно, отца убили, а жене и дочери оказался не нужен…

Тем, у кого общий трудовой стаж больше 20 лет, в интернате выдают в месяц 10 рублей . А кормят — рожки да макароны, макароны да рожки.

— Вот собираю тут на еду и курево. Пить — не пью, особенно после того, как руку парализовало, да и не на что пить-то... Да я — ничего, не жалуюсь. У нас те, кто стажа двадцатилетнего не имеет, вообще ничего не получают. А мы, со стажем, еще в прошлом году только по пятерке получали. Сейчас вот обратили на нас внимание. Чего жаловаться, было хуже, когда на вокзале ночевал...

Вот некоторые цифры, которые нам сообщила заведующая районным отделом социального обеспечения Нижегородского райисполкома Галина Викторовна Шемелева.

В районе более 30000 пенсионеров. 6500 из них получают пенсию ниже 70 рублей. С 1 октября прошлого года шести тысячам из них размер пенсии увеличен до 70 рублей. А 514 человек по-прежнему получают свои 30 или 40 рублей. Это те люди, у кого не набирается общего двадцатилетнего трудового стажа. Им пенсия повышена пропорционально отработанным годам — на 5, 8, 10 рублей или ... копеек!

— Как живут эти шесть с половиной тысяч человек, из которых 1700 — одинокие старики, не имеющие ни близких, ни родных?

— Да вы сами сходите, поговорите, посмотрите, — посоветовала нам Галина Викторовна, — вот адрес...

Валентине Михайловне семьдесят шесть лет, живет одна. Пенсия у нее 40 рублей 99 копеек. Два раза набавляли. Очень ждала первой прибавки.

— А тут, — рассказала наша собеседница, — прибегает почтальонша и с порога смеется: «Что, Михайловна, больших денег ждешь?». И выкладывает эту самую прибавку — 12 копеек...

— Почему пенсия такая маленькая? Стажу не набралось. Троих детей вырастила, с ними сидела. Да вот беда — завод автосборочный, где начинала работать поваром, кормила иностранцев, — погорел вместе с бумагами. Пробовала найти тех, кто помнит, что я работала на этом заводе, да где там, — полвека, почитай, прошло. Всю войну с мужем и детьми жили под Тихвином — муж в войсках НКВД обеспечивал Дорогу жизни. И хотя оба за это время узнали, что такое война и блокада Ленинграда, участниками Великой Отечественной не считаются.

У Валентины Михайловны было трое детей: две дочери и сын. Было, потому что около 20 лет назад сын ее погиб. Он занимался подготовкой космических полетов, дружил со многими космонавтами.

— За квартиру плачу 8 рублей 35 копеек. Два рубля пятьдесят копеек — за телефон, за свет... Электричества жгу теперь больше — левый глаз стал плохо видеть. На лекарства тоже трачу много. Иной раз думаешь на улице — дойду до дома или не дойду: болят ноги. И остается около двадцати рублей... Не очень-то разживешься. Иногда вижу бутылку на тротуаре, оглянусь по сторонам, — нет ли знакомых? — и в сумку ее спрячу, двадцать копеек все же — хлеба на два дня купить можно. Дочери, конечно, помогают, не забывают. Звонят, навещают. Вот в марте одна приезжала, в Севастополь к ней ездили, внуков проведать...

Мы еще долго говорили с этой пожилой женщиной. Невеселый это был разговор. А когда уходили, Валентина Михайловна, всплакнув, попросила: «Уж хоть и знаю, что из-за стажу больше прибавки не будет, но уж похлопочите...».

ПОХЛОПОЧИТЕ... Перед кем? Мы попытались представить себе «группу товарищей», которые рассчитали эту двенадцатикопеечную прибавку Валентины Михайловны.

Теперь имеем в одном только районе 514 человек (да что тут играть словами) — нищих. Догадываемся, что могли бы ответить те, кто разрабатывал это условие о двадцатилетнем стаже. Мол, надо было работать! Но жизнь не сузить до формулы, до формулировки. Как быть с теми, кто незаконно репрессирован и кому многие годы, проведенные на лесопо-

вале, попросту не зачтены в трудовой стаж? А у кого документы пропали, как у Валентины Михайловны? А кто был вынужден оставить работу раньше срока для того, чтобы вырастить детей?

Мы уже признали, что в стране более 40 миллионов бедных. Так давайте теперь наберемся духу и открыто скажем о том, что если мы действительно хотим стать цивилизованным обществом, то необходимо срочно вводить пособие по бедности. Всем до одного, у кого не наберется этих жалких по нынешним временам 70 рублей. Необходима соответствующая программа. Равно как и по пенсионному обеспечению.

Можно — да ради бога — не обзывать эти деньги пособием по бедности (люди-то обидеться могут, тем более, кто-то бедняком стал по воле злого случая, а не «по убеждению»). Но главное принять безоговорочно: ЛЮБАЯ ПЕНСИЯ (НЕЗАВИСИМО ОТ СТАЖА, ДАЖЕ ПРИ ПОЛНОМ ЕГО ОТСУТСТВИИ) НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НИЖЕ УСТАНОВЛЕННОГО ПРОЖИТОЧНОГО МИНИМУМА, ежегодно пересматриваемого с поправкой на дороговизну, инфляцию и прочие гримасы нарождающейся рыночной экономики. Эти деньги найти сегодня, при огромном дефиците бюджета, страшно трудно. Но необходимо, и как можно быстрее, иначе не нищих придется считать в государстве, а само государство — нищим, несостоятельным, негуманным.

Правда, с пенсиями сейчас дело сдвинулось с мертвой точки. Начал действовать «малый пенсионный закон», как окрестили это повышение пенсии сами пенсионеры. Но нужен закон большой, учитывающий не только повышение пенсии... Нужно предусмотреть и развить сферу социального обеспечения. Пока эта «сфера» представляет собой жалкое зрелище... Вот информация к размышлению: в области 30 тысяч пенсионеров, их обслуживают 12 штатных работников собеса, у которых в среднем должностной оклад составляет 100 рублей. Фактически положение собеса близко к положению тех одиноких стариков, которым он призван обеспечить нормальные условия жизни. На что может рассчитывать собес? Сегодня — только на новые Советы, больше не на что. Тут надо, как говорил один сантехник, всю систему менять.

И при этом, возможно, не стоит изобретать велосипед, а сразу обратиться к опыту тех стран, где раньше нас стали пересматривать систему пенсионного обеспечения. В Югославии, чьей рыночной экономикой нам дурили головы на той же школьной скамье, местные — городские и сельские — органы управления размеры пенсии пересматривают ежеквартально, и сами же определяют прожиточный минимум. Вот бы нашим местным Советам народных депутатов перенять этот опыт. Возьмите тот же прожиточный минимум — почему он составляет 70 рублей, а не 100? На основании чего эта цифра выведена? Могли бы мы этот минимум пересмотреть для себя, если считаем его несправедливым? Вполне.

Понимаем, чтобы ежеквартально пересматривать размеры пенсий, чтобы самостоятельно определять прожиточный минимум, местные Советы должны располагать для этого необходимыми средствами. А их пока нет. Когда там еще будет принят Закон о местном самоуправлении и в бюджет Советов потекут рекой налоги с доходов предприятий, расположенных на их территории. Так что же, будем ждать лучших времен? Думается, уже сейчас можно что-то предпринять для одиноких бедствующих стариков. У них один день жизни сегодня идет за год, не знают, доживут ли до понедельника, не то что до нового закона... Промедление смерти подобно, их смерти.

Как было сказано в одной старой мудрой книге: «Какой мерой меряете, такой и вам мерить будут...».

Декабрь 1989 г.

Областная газета «Ленинская смена» № от 27.01.1990 г.